

А НУЖДАЕТСЯ ЛИ БУДУЩЕЕ В НАС?

В.И. Гнатюк

Не сомневаюсь, что многое из этой статьи может показаться читателям не совсем понятным, а кое-что и требующим более серьезного обоснования. Очевидно, что публицистический формат не в полной мере позволяет это сделать. Поэтому буду рад, если заинтересованный читатель обратится к моей монографии, посвященной осмыслению технической реальности и размещенной в полнотекстовом виде в Интернете. Выходные данные книги: Гнатюк, В.И. Философские основания техноценологического подхода [Компьютерный вариант] / В.И. Гнатюк. – Электронные текстовые данные. – Калининград: [Издательство КИЦ «Техноценоз»], [2014]. – Режим доступа: http://gnatukvi.ru/mono_pdf/text.pdf, свободный. Терминологию и основные понятия можно найти на сайте Техника, техносфера, энергосбережение [Сайт] / В.И. Гнатюк. – Электронные текстовые данные. – М.: [б.и.], [2000]. – Режим доступа: <http://www.gnatukvi.ru>, свободный.

Когда в 1996 году я узнал, что компьютер обыграл Каспарова, меня это особо не удивило. К тому времени мне довелось принять активное участие в работе нескольких конференций, посвященных проблемам философии техники и технической реальности. Конференции проводились ежегодно в международном формате под эгидой Института философии РАН, Института истории естествознания и техники РАН, МЭИ и Центра системных исследований. Руководил ими бессменно мой Учитель профессор Борис Иванович Кудрин. Разговаривать на этих конференциях с философами всегда было чрезвычайно тяжело. На вопрос: «Нужны ли мы будущему?» они пытаются отвечать, имея в виду всегда одну и ту же, извините за выражение, «заднюю мысль». Это самое будущее без нас и помыслить якобы невозможно. А если и попытаться, то ничего, кроме вселенского апокалипсиса, не получается. Причем причиной апокалипсиса обязательно должна стать техника. Более того, само понятие апокалипсиса мыслится не иначе, чем сугубо антропоцентрически (что-то плохое для человека).

С осмыслением техники вообще большие проблемы. Начинается с того, что мы никак не хотим оторваться от капповского понимания техники как продолжения органов чувств человека. И в качестве вершины развития техники продолжаем видеть лишь эдакого человекоподобного мыслящего робота из романов А. Азимова. Появятся ли эти роботы вообще когда-либо неизвестно, а мы вроде как бы не замечаем уже существующие вокруг нас технические системы, которые обладают свойствами, ставящими их объективно выше нас. Куда этому суперроботу до современного металлургического комбината, города или химического предприятия. С робо-

том хоть поговорить можно. А у комбината мы даже не знаем, где его начало, а где конец. Нам очевидно, что комбинат «командует» нами, а вот как он это делает мы не понимаем. Мы только в последнее время удосужились заметить эти объекты и дать им название – «техноценоз». Первым это сделал в начале 70-х годов XX века Б.И. Кудрин. Что касается осмысления такого понятия, как техническая реальность, то здесь еще тяжелей. Большинство философов нормально (кажется даже с некоторым мазохистским удовольствием) воспринимают мысль о существовании «виртуальной реальности», но категорически не хотят и слышать о технической.

Сегодняшнее изменение позиции в понимании техники (мы его связываем с такими философами, как Ф. Дессауэр, Л. Мэмфорд, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, К. Ясперс, П.К. Энгельмейер и др.) заключается в некоторой объективации техники. При этом она в конечном итоге рассматривается как «нечто, находящееся между природой и культурой». Подобная постановка вопроса, на наш взгляд, страдает определенной недialeктичностью. Остается антропоцентрический подход, суть которого заключается в том, что техника рассматривается как результат творчества человека. Она всегда удовлетворяет его потребности. Кроме того, человек в конечном итоге всегда управляет этой самой техникой.

Рассмотрим эти тезисы более подробно. Во-первых, любое современное техническое устройство или изделие (даже гвоздь) является результатом творчества не человека, а некой социокультурно-технической сферы (от ГОСТов до эстетических и политических представлений). По мере развития техники процесс изготовления тех или иных образцов (даже самых сложных) все больше автоматизируется и осуществляется без участия конкретного человека. Уже имеются технологии, в которых участие человека (с его метаболизмом) принципиально запрещено или резко ограничено. Как представляется, в дальнейшем эта тенденция будет нарастать. И если раньше наиболее глубокие (категориальные) различия усматривались в бытии техники относительно бытия биологической природы – о чем еще Аристотель писал: «...человек рождается от человека, но не ложе от ложа – потому-то и говорят, что не внешняя фигура [morphē] ложа есть природа, а дерево, ибо если ложе и прорастет, то возникнет не ложе, а дерево» – то ныне мы можем говорить, что завод-автомат порождает таки автоматы. Другой вопрос, что в осмыслении бытия техники надо переходить на другой системный уровень и говорить уже о техноценозах. В этом смысле нельзя сравнивать дерево, порождающее другое дерево, с ложем, т.к. ложе (пусть и совсем простое, но техническое изделие) – это аналог лишь одной клетки древесной ткани, а уж она (клетка), конечно же, существуя отдельно, породить дерево никак не сможет.

Во-вторых, техническая реальность уже в значительной степени обеспечивает не потребности человека, а свои собственные. Причем та часть технической реальности, которая «работает на себя», нарастает и ин-

теллектуализируется гораздо более высокими темпами, чем та, которая «работает на человека». Некоторые говорят, что артефакт (техническое изделие) не обладает волей, и основная цель его функционирования всегда вне него. Опять неверно выбран системный уровень. Биологическая клетка тоже не обладает волей, а основная цель функционирования живого организма всегда вне клетки. А вот техноценоз (завод, город) явно обладает волей. Другой вопрос, что в состав техноценоза входит человек, но это видится онтологически несущественным, т.к., с одной стороны, биологическая природа тоже создавалась на основе неживой, а с другой – человек «нужен» будет в техноценозах не всегда и не везде. Следовательно, в показанном смысле называть технические изделия артефактами (искусственно сделанными) представляется анахронизмом (если вкладывать в понятие «искусственно сделанный» смысл противоположения естественно возникшему) либо надо называть артефактами и биологические организмы, учитывая, что они возникли (не важно как) из неживой природы.

В-третьих, и это уже не вызывает сомнений, роль человека в управлении техникой явно снижается, особенно если сопоставить возрастающий уровень требований к человеку-оператору с темпами изменения возможностей техники. Сегодня человек выступает зачастую ограничителем, не позволяющим раскрыть все возможности, заложенные в техническом изделии, которым он управляет. Так, современный истребитель обладает гораздо большими возможностями по скорости и маневренности, чем может выдержать пилот. Если рассмотреть работу космонавтов на орбитальной космической станции (видимо, это одно из самых совершенных изделий технической реальности нашего времени, наряду с компьютером, обыгравшим Каспарова), то можно заметить, что все основные технические поломки и проблемы там произошли по вине людей. По мере развития космической техники собственно человек-космонавт рискует превратиться в одну из самых больших помех в реализации познавательной функции человечества в космосе. Могут возразить, что даже если участие человека в управлении техникой снизится до минимального уровня, останется главное: техника будет выполнять задачи, поставленные изначально человечеством (например, полеты в космос). Но и здесь есть резонный ответ: а кто сказал, что цели, формулируемые человеком, являются исключительно человеческими, быть может, они всеобщие, вселенские, а мы выполняем лишь частные задачи, касающиеся только нашей, определенной роли.

Признавая целостность мира и понимая, что человек является лишь его частицей, выполняет определенную роль в общем сюжете развития, следует задаться вопросом: какова цель познания человеком мира с точки зрения самого мира? Весь опыт развития человечества свидетельствует о том, что результатом его познания, остающимся вне субъекта, является техническая реальность. Создается впечатление, что человек возник, стал мыслить, выделился из биологической природы, познавал и продолжает

познавать объективно лишь для того, чтобы сотворить техническую реальность. Техническая реальность, в свою очередь, объективируясь благодаря мысли и рукам человека, приобретает все больше способностей к саморазвитию. Эволюционируя, она становится трансцендентной для познавательной деятельности человека. В ней самой все ускоряющимися темпами формируется новый бесконечный горизонт познания для человека (своего рода мезомир наряду с микро- и макромиром). В этом процессе техническая реальность не отрицает человека, а оставляет ему важное место, однако очевидно, что человек все больше превращается из демиурга в раба. В принципиально новом осмыслении технической реальности (и мира вообще) наиболее трудным, на наш взгляд, является восприятие отрицания антропоцентричности (человек не венец природы, а лишь промежуточное звено). Человек, по сути, сам порождает свое отрицание (М. Хайдеггер: сама действительность поощряет человека к подобного рода действиям).

Рассматривая технику в контексте ноосферных проблем и видя в техногенном характере нашей цивилизации угрозу существованию человечества, философия рассматривает, прежде всего, социальную составляющую в современном процессе развития технической реальности. При этом полагается, что всестороннее ограничение техногенного влияния на окружающую природу и социокультурную сферу (путем внедрения прогрессивных технологий энерго-, ресурсосбережения и других мер) является проявлением главенства человека над техникой (Х. Бек: «...самопознание человека во всем величии его господства»). Однако представляется очевидным, что сам процесс снижения техногенного влияния на природу и общество выливается не во что иное, как в еще большее совершенствование технических изделий, внедрение более утонченных технологий и в целом в дальнейшую интеллектуализацию артефактов. Техника, «пугая человека», если можно так выразиться, «заставляет» его все больше совершенствовать себя. Призывы же к отказу от достижений технического прогресса (назад – в джунгли) представляются абсолютно несерьезными. Различные варианты альтернативного (в частности, так называемого «биологического») пути развития человечества остаются пока (и видимо останутся впредь) только на страницах научно-фантастических романов.

Техническая реальность есть то, что значительно оторвало человека от природы (если понимать природу в узком смысле). Ныне человек ранжируется в ряду биологических видов (не укладывается на одно ранговое распределение вместе со слонами, ягуарами, кроликами и саранчой) и не существует отдельно от техники. Его предназначение все больше видится в создании предпосылок для саморазвития технической реальности. Пока мы ее не мыслим без человека (он носитель, производитель и оценщик информации, документа). Но так будет не всегда. В связке «человек – техника» собственно человек играет все меньшую роль. И это несмотря на то, что, отрываясь от биологической природы, человек всегда воплощал

свой интеллект в технической реальности, а учитывая опыт человечества, можно заключить, что развитие цивилизации, скорее всего, немислимо вне развития технической реальности. Как мы полагаем, это в некотором смысле единственный данный нам способ развития. Есть основания предположить, что техногенный путь и есть единственно возможный, и именно по нему идет биологический разум везде во Вселенной.

Подобная постановка вопроса, при которой техника максимально объективируется и фактически рассматривается уже как техническая реальность, причем равномошная в ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая», показывает абсурдность любых попыток поставить под сомнение технический прогресс в целом и отдельные технические достижения в частности. Уже давно стало очевидным, что технический прогресс однонаправлен и необратим. Другими словами, невозможно «отменить» открытие или изобретение либо «запретить» их применение. Кроме того, практически любое техническое достижение можно использовать как на пользу, так и во вред. Наконец, разве можно соизмерить нынешние масштабы техногенных катастроф с колоссальным количеством жертв, к примеру, средневековых эпидемий (которые, кстати, происходили из-за низкого развития технической реальности). Да и сами понятия «польза» или «вред» разве нам до конца ясны? Когда на международной конференции, которая проходила в Институте истории естествознания и техники РАН в 1997 году, в присутствии ведущих отечественных философов-технологов я имел неосторожность лишь заикнуться о понятии пользы в техническом творчестве, разразилась просто буря. Оказывается, мы технарии не имеем права даже упоминать о какой-либо «пользе», настолько мы очернили себя в глазах возмущенной гуманитарной общественности. Мне наивному как-то всегда думалось, что именно гуманитарии-политики виноваты в том, что изначально полезное (а правильнее сказать, просто нейтральное) техническое достижение используется во вред человеку.

Есть еще один момент, на котором следует остановиться. Думается, для специалиста, занимающегося созданием реальных технических систем, очевидна абсурдность любых попыток реализации в процессе проектирования каких-либо абстрактных требований-лозунгов вроде «все должно быть хорошо...» или «смотрите, чтобы не было войны...». Проектировщик всегда работает в составе коллектива и находится в жестких тисках системы технических требований (ГОСТы, ОСТы, ЕСКД, ОТТ и т.п.), а также абсолютно конкретных исходных данных на проект. При этом общее количество данных достигает сотен и тысяч, а предъявляются они одновременно большому числу специалистов. Никакой речи о сколь угодно малых отклонениях от требований, как правило, и быть не может. Недисциплинированный проектировщик мгновенно отстраняется от работы и наказывается. Подобным образом проявляется самая что ни на есть объективность процесса проектирования технических систем. Широко известный фило-

соф Х. Ортега-и-Гассет в своих размышлениях о технике десятки лет назад с досадой говорил, что «в наши дни, имея в своем распоряжении общий метод создания технических средств для реализации любого запроецированного идеала, люди, кажется, утратили всякую способность желать ту или иную цель и стремиться к ней». В этом эмоциональном высказывании совершенно отчетливо угадывается мысль испанского философа об относительной независимости, объективности технического прогресса.

Итак, рассмотрим более подробно онтологические уровни развития материи в ряду «неживая – биологическая – техническая». Приложим максимум усилий для того, чтобы абстрагироваться от своего врожденного антропоцентризма, с одной стороны, и руководствоваться понятной и объективной критериальной системой оценки реальностей, с другой. При этом наша главная задача – беспристрастно охарактеризовать данные онтологические уровни и определить, какой из них высший.

Первый уровень – неживая реальность отличается простейшей классификацией, в которой мы выделяем мир в целом и особь в частности. Напомним, что онтологический классификационный таксон выделяется, прежде всего, на основании определения нового уровня использования фундаментальной информации. При этом под информацией мы будем понимать объективно существующую и закрепленную на определенном материальном носителе формализованную прескриптивную систему воспроизводства реальностей. В данном случае «прескриптивная» понимается как предписываемая, обязательная, априорно установленная, но не за счет какой-либо субъективной воли, а объективно, как результат предшествующей естественной эволюции. Так вот, в неживой материи эта информация присутствует только на уровне мира в целом в виде физических законов. Неживой мир развился одномоментно и спонтанно («Большой взрыв»), разумный агент, если и присутствовал, то лишь в момент создания, когда закладывались физические законы. Следовательно, в неживой реальности нет никакой другой онтологически содержательной формы, кроме Вселенной в целом, которая, безусловно, обладает информацией в виде объективно существующих законов, на основе которых и развивается.

Определив фундаментальную классификацию и уровень использования информации в неживой реальности, охарактеризуем ее эволюцию. Прежде всего, отметим, что скорость эволюции неживой реальности локально можно определить как нулевую. Иными словами, Вселенная, будучи взята без биологической и технической реальностей, даже постоянно изменяясь, тем не менее, не эволюционирует. Онтологически значимые эволюционные скачки Вселенной связаны лишь с возникновением биологической жизни и зарождением технической реальности. Об эволюции неживой материи можно было бы вести речь только в том случае, если предположить множественность Вселенных (развивающихся каждая со своими физическими законами), существующих в некоторой Метавселенной, где

между ними происходит естественный отбор. Подобные гипотезы, кстати, в последнее время высказываются некоторыми космологами. Единичным эволюционирующим объектом неживой реальности является мир в целом, что становится понятным. При этом уровень отбора является глобальным в масштабах Мета вселенной. Движущей силой является информационный отбор, осуществляющийся на уровне физических законов.

Второй уровень – биологическая реальность. При переходе от неживой к биологической форме существования материи мы констатируем, прежде всего, фундаментальный сдвиг в классификации. Наряду с миром в целом и особью в частности возникает новый онтологический классификационный уровень – биологический вид. Основным критерием, по которому мы выделяем этот уровень, является наличие у биологического вида информации, существующей в генотипе неотделимо от особи. Как известно, это позволяет биологическим видам эволюционировать с низкой скоростью, которая задается «слепым» характером межвидового информационного (естественного) отбора. Характер отбора в данном случае определяется отсутствием разумного агента, а его скорость задается физической неотделимостью генотипа (информации о виде) от особи.

Третий (высший) уровень – техническая реальность. Из рассматриваемого ряда сосуществующих реальностей в рамках технократической парадигмы более всего нас интересует техническая. Во-первых, она является высшей по тем основаниям, о которых уже сказано, а во-вторых, мы стоим у истоков формирования технической реальности, и наша судьба неразрывно связана с ней. Беспрецедентный сдвиг в классификации существа, связанный с возникновением технической реальности, заключается в выделении принципиально нового таксона. Наряду с миром в целом, видом и особью возникает ценоз – объект, сочетающий в себе признаки, как вида, так и особи. Как вид он имеет генетическую информацию, которая физически от него отделена и существует в виде документа, а как особь он существует и функционирует в окружающей действительности. Техноэволюция выходит на принципиально новый уровень благодаря тому, что, во-первых, появляется разумный агент, осуществляющий отбор (человек и/или техника). Во-вторых, то, что информация физически отделена от особи (техноценоза), позволяет осуществлять элементарный акт отбора на уровне документа (на информационном уровне без физического воплощения). В-третьих, отбор в целом становится межорганизменным и целенаправленным. Беспристрастный анализ не оставляет другого выхода, кроме как признать, что техническая реальность является (во всяком случае потенциально) высшей формой организации материи.

Каким же видится современный этап развития технической реальности в контексте изложенного. В настоящее время в техносфере зарождаются (как когда-то протожизнь из неживой природы) объекты, которые будут способны сами воздействовать на свой материальный носитель ин-

формации с целью развития в условиях конкуренции (воздействовать на свой генотип и в этом смысле самоэволюционировать). Нынешнее состояние технической реальности можно сравнить лишь с протожизнью (причем, видимо, на ранней стадии развития). Основная масса наших технических изделий – это только аналоги макромолекул. Вероятно, лишь отдельные из них уже можно уподобить примитивным одноклеточным (например, международную космическую станцию), а современный завод или город – это всего лишь «лужа, кишащая протожизнью».

Сегодня очень трудно представить себе продукты долгосрочной эволюции техносферы, которые можно было бы назвать некими гиперценозами (это когда из технических «одноклеточных» возникнут «черви», «лягушки», «слоны» и, более того, – «мыслящие»). Можно лишь предельно гипотетически судить об их облике и свойствах, хотя в современной фантастической литературе подобный образ иногда узнается (наиболее яркие примеры: «Рама» А. Кларка и особенно «Реликт» В. Головачева). Тем не менее, уже сейчас можно сформулировать отдельные принципиальные соображения, касающиеся гиперценозов. Во-первых, это объекты в основе своей технические и включающие в себя элементы биологические (в т.ч. и человека со всем его социальным). Во-вторых, это объекты самоорганизующиеся (что всегда отличало жизнь от протожизни). И наконец, в-третьих (а это самое важное), их принципиальное отличие от биологической жизни заключается в том, что они будут способны воздействовать на свой генотип. Это позволит гиперценозам эволюционировать на уровне особей, а скорость эволюции при этом существенно возрастет. Более глубокий анализ приводит к заключению, что техноэволюция рано или поздно приведет к возникновению высших материальных форм, эволюционирующих по частям, которые составят гипертехническую реальность. Однако главным видится то, что именно на этом уровне развития впервые единичный объект эволюции перестанет отрицаться собственно эволюционным отбором, что в определенном смысле уподобит гиперценозы Вселенной в целом. Остается лишь набраться храбрости, глубоко вздохнуть и предположить, что это и есть цель эволюции нашего мира (в онтологическом смысле). Мы полагаем, что это, не что иное, как способ воспроизводства, суть которого, судя по всему, до конца постичь нам не удастся никогда.

Есть ли в современной техносфере далекие предки подобных объектов? Безусловно, таковые есть. Это крупные заводы, территориально расцентрованные предприятия, технополисы, отраслевые, городские, региональные инфраструктуры, взаимосвязанные объекты сельскохозяйственного производства, группировки войск и т.п. Мы о них уже упоминали – это техноценозы, объединенные особыми слабыми связями и единством цели функционирования ограниченные в пространстве и времени технические макросистемы. Данные объекты имеют генотип в виде совокупности конструкторско-технологической, научной и эксплуатационной документа-

ции. Кроме того, они уже сейчас обладают способностью воздействовать на свой генотип и при этом самоэволюционировать. Завод как макросистема способен воздействовать на конструкторско-технологическую документацию, по которой он создан, и после этого модернизироваться, перевооружаться, самосовершенствоваться (воспроизводиться).

Последнее соображение относительно гиперценозов. Человек совершенно отчетливо ощущает потребность лететь к звездам, о чем много говорится в последние десятилетия. Если отбросить сугубо фантастические идеи полетов с гиперсветовыми скоростями, единственным способом достичь звезд остается создание технических объектов, способных самостоятельно в течение многих десятков и даже сотен лет преодолевать межзвездные пространства. Такими объектами и могут стать гиперценозы.

Новое осмысление технической реальности, места и роли человека в глобальном эволюционном процессе, кроме всего прочего, позволяет особым образом видеть коренную особенность, отличающую его от остального животного мира (основной вопрос философской антропологии). Мы вправе рассматривать человека как творца, информационного носителя, движущую силу, предтечу, источник саморазвития технической реальности. Человек – венец биологической природы в том смысле, что именно ему предназначено создать принципиально новую по сложности организации сферу, символизирующую новую ступень эволюции Вселенной, и в последующем жить в ней. Такое видение подтверждает и сделанный ранее формальный вывод о том, что суть человека надо искать не внутри, а вне его, не в его особенностях, а в функции, высшем предназначении, в осознании роли человека во вселенском, трансцендентальном плане. Человек, видимо, действительно избранное существо, но далеко не венец мироздания. Архитектоника Вселенной неизмеримо, бесконечно сложнее, да и понимать феномен человека в данном контексте необходимо гораздо шире, полагая, что в различных уголках Вселенной может (с разной степенью успешности) параллельно идти аналогичный данному нам на Земле эволюционный процесс, являющийся также частью глобальной космогонии.

Закономерен вопрос: в чем же, при данной постановке проблемы, интерес человека в реализации новых подходов к технической реальности? Думается, именно в этой заинтересованности мы должны видеть возможность выживания техногенной человеческой цивилизации, ибо Вселенная в реализации ее глобального эволюционного плана имеет в своем распоряжении огромное количество плодотворных альтернатив. А от существования отдельного биологического вида *Homo sapiens*, обитающего на третьей планете во вторичной системе желтого карлика класса G2V под названием Солнце, расположенного на периферии спиральной галактики типа Sb, называемой Млечный путь, на задворках одного из доменов Метагалактики, по большому счету, зависит, видимо, очень немногое.